

В поселковый музей Чепиков вернулся около полуночи. Думал, художники уже угомонились, но оказалось, застолье в самом разгаре.

– А вот и наш маэстро! – объявил дядя Витя-каратист, который каратэ, разумеется, давно позабыл, но был чем-то вроде бригадира у местных художников. – Ну и как, Андрюша, съездил? Показал барышне древнее городище?

Чепиков кивнул.

– Ну и отлично! Предлагаю тост за нашу славную археологию! – и тощий, как жердь, дядя Витя-каратист мастерски заглотнул мутную жидкость, коей подавился бы даже самый храбрый наставник-сэнсэй.

Пили бражку, принесённую кем-то из гостей. Андрей тоже немало выпил, махнув рукой на дисциплину. В конце концов, не он тут главный, а мадам Анжелика Фоминична, заведующая клубом. А она еще в форме, сидит в обнимку с каким-то окосевшим баянистом.

Местная богема, так сказать. Всего семь человек. И все в восторге от музейного бедлама, который он, консультант Андрей Чепиков, должен превратить в экспозиционный шедевр, да еще к юбилею района, отмечаемому через неделю.

Ох, и нелегкая это работа – тащить из болота музейного бегемота. В смысле оформлять экспозицию в таежной глубинке, где, несмотря на кризис, нашлись деньги на реконструкцию клуба, и местным властям ударило в голову заново оформить этот «очаг культуры», а заодно и музей, пригласив из города опытного консультанта. И этим «опытным», естественно, сделали Чепикова, чтобы не особенно трепыхался на музейных планерках, споря с грозной директрисой Альфией Гасановной. Вот такое наказание придумала она строптивому парню, собиравшемуся провести отпуск в археологической экспедиции и снять об этом фильм. И он уже приезжал сюда в командировку. И когда

месяц назад начинали реконструкцию, все, казалось, будет гладко. Местный леспромхоз помог материалами. Столярная братия, когда была трезвой, проявляла чудеса изобретательности. Даже вольные художники, сбившиеся в артель, и те пообещали не бедокурить, оформляя экспозицию. И Андрей, довольный, уехал в город. А когда вернулся... схватился за голову, ибо лихая пьянка, смачно описанная классиками русской литературы, была в самом разгаре. И ему стоило немалых усилий пробудить к творчеству заблудших оформителей, вырубавшихся каждый вечер среди клубных декораций. Да еще и с местными натурщицами, приходившими отнюдь не позировать.

Впрочем, он зря паниковал. Самое трудное, как выяснилось, уже позади. Фон музейной диорамы с героическим сражением уже прорисован, фигурки «красных» и «белых» с винтовками в руках тоже заняли позиции, и нужно лишь уберечь их от пьяной и шумной компании, чтобы какой-нибудь пришлый выпивоха случайно не вырубил у бутафорского блиндажа с манекеном в обнимку.

– А как насчет моих кор-р-ряг?! – все интересовался у Чепикова местный умелец Пахомыч, называвший свои деревянные скульптуры именно так, да ещё с протяжным пролетарским рыком, заработанным на ударных стройках пятилеток. Он как раз и был тем пришлым и докучливым посетителем, что сбивал с пути праведного бородатых оформителей, снабжая их фантастическими идеями и... отменной брагой.

– О, господи! Опять коряги! – взмолилась Анжелика Фоминична, страхнув со своей мощной груди пьяного баяниста. – Опять

ты, Пахомыч, со своими хреновинами!

– Да, счастье мое, уйди в туман, – вежливо, как и подобает бывшему флотскому офицеру, добавил дядя Витя-каратист, истощивший своё тело в бесконечных пьянках. И отвел Пахомыча в сторонку, чтобы не мешал романтику Чепикову быть еще романтичнее.

И Андрей был ему за это благодарен, ибо чувство балансировки никогда не изменяло бывшему морскому волку, и он мог с лёгкостью провести любого пьяницу сквозь музейные рифы, не задев ни одного экспоната.

А бедняга Пахомыч по прозвищу Домовой, стиснув стальные зубы, с мольбой смотрел на Чепикова, мечтая, чтобы однажды его лихие скульптуры с тазами на голове и пионерскими горнами под мышкой заняли место в поселковом музее. Но это была другая эпоха, ещё свежая в памяти, а музей посвятили давней гражданской войне и местным партизанам, которых прежде вроде как подзабыли, но, оказывается, помнили, чтили, бережно храня семейные реликвии. И понесли их в музей, вспомнив суровое лихолетье.

– А ежели я вам еще и телегу тещину подарю? – вдруг осенило Пахомыча. – Может, вы и ее туда, в диораму, запендюрите?

– Я тебе запендюрю! – взвыла Анжелика Фоминична, чье мощное контральто, или женский бас, могло оглушить любого супостата. – А ну, марш от диорамы, ирод проклятый!

И бедный резчик коряг, не пожалевший для оформителей своих творческих идей, а заодно и браги, нехотя отошел от узкого подиума, где сошлись в рукопашной схватке фигурки бойцов.

«А все-таки здорово получилась!» – подумал Чепиков, почувствовав неожиданную симпатию к пьяным умельцам, сотворившим в музее такую необычную экспозицию. И чем больше вглядывался в диораму, окруженную винтовками, пулеметами и столбами с колючей проволокой, тем реалистичнее казались крохотные фигурки «красных» и «белых», сцепившихся в жестокой схватке. И хотя диорама, по музейным меркам, была весьма скромной, всего-то метра четыре в ширину и метр в глубину, Андрей поразился мастерству художника и бутафора Сергея Павлова, смастерившего таких отменных бойцов, что они могли бы пригодиться и в краевом музее. И еще больше удивился, узнав, что бородатый художник Серёга, ныне отсутствующий, приходится родственником... Мариночке Кольцовой, его оружейной фее. И сама Мариночка словно присутствовала здесь, обхватив Андрея сзади своими милыми рученьками. И нашептывала всякие глупости. А он витал в музейных, оружейных и экскурсионных облаках, вспоминая поездку на древнее городище. И... простил оформителям все их грехи.

– Ну, и как поживают наши археологи? – поинтересовался дядя Витя-каратист, присаживаясь рядом. Он-то и одолжил Андрею свой старенький мотоцикл без номерного знака, смахивающий на музейный экспонат. – Много накопали?

– Прилично.

– Завидую! А я вот все собираюсь туда съездить...

И Чепиков подумал, что такой галантный и... вечно пьяный кавалер, нагрянувший в экспедицию, наверняка бы запомнился тамош-

ним барышням, не избалованным мужским вниманием.

– А мой «ковровец» не подвёл? – дядя Витя страшно гордился своим ржавым мотоциклом, выпущенным когда-то в славном городе Коврове, не уставая повторять, что это... пулемётная столица России, и ежели нагрянет враг, то он тут же переделает своего железного коня в... пулемёт. И даже называл конкретный калибр.

«Ну, там есть и покрупнее!» – обмолвилась Марина, узнав о богатой родословной ржавого драндулета, на котором Андрей повез ее в тайгу. И заметила, что в этом самом древнем городе Коврове она побывала еще студенткой. И в других оборонных городах тоже. Так что по части батальной эрудиции новая знакомая могла посрамить любого.

– Кстати, Андрюша, а барышня у тебя сурьезная! – заметил дядя Витя, важно кивнув. Он откуда-то узнал, что Марина окончила элитный Балтийский университет, прежде именовавшийся военно-механическим институтом, и теперь, что называется, держит палец на курке, целя в лоб проклятым империалистам.

– Это вы о ком, о Маришке? – встрепенулась Анжелика Фоминична, наклоняясь над столом, живописно заваленным рыбьими хвостами и хлебными огрызками. – Да, девушка что надо! Это нашего Петра Акимовича племянница, – и она с хмельным уважением поведала о грозном начальнике лесопункта, у которого такая славная гостья...

Расходились за полночь. Прежде чем угомонить богемное воинство, Анжелика Фоминична вы проводила из музея резчика коряг

Пахомыча, строго наказав ему не возвращаться и уж тем более не приносить заветную бутылку самогонки, припрятанную в чулане.

– И не бегать в киоск к этим южным барыгам! – добавила она, погрозив кулаком художникам, наверняка замыслившим ночную вылазку. – А ты, Андрюша, проследи. Очень на тебя надеюсь. И чтобы никаких баб! Поняли?

И она удалилась в ночной мрак, увводя пьяного баяниста. А Чепиков, дядя Витя-каратист и ещё двое оформителей остались ночевать в музее, разойдясь по кандейкам.

Вскоре могучий храп донёлся из богемных келий, где на пыльных топчанах среди гармошек и балалаек угомонились служители муз. А Чепикову не спалось, и, лёжа на косяке дивана возле столбов с ключей проволокой, дополнявших музейную диораму, вдыхал запах невыветрившейся краски, столь привычный и даже приятный, напомнимши о прежних музейных командировках. И запах недавнего застолья не мог испортить радостного настроения, оставшегося после встречи с Мариной...

С утра пораньше в музей заявился Пахомыч, народный умелец, принес баночку самогонки.

– Почему так мало? – строго спросил дядя Витя-каратист. – Жадничаешь, братец?

– И тара какая-то несерьёзная, – добавил дядя Саня-хиппарь, тоже художник, но длинногровый, отравивший волосья ещё в шестидесятые годы и с тех пор, наверно, их не мывший.

Обоим мужикам было за пятьдесят, поэтому Чепиков не вмешивался, с усмешкой наблюдая за творческой дискуссией.

– Ну, ты и жмот, Пахомыч! – заметил дядя Витя-каратист, разливая самогонку по гранёным стаканам. – Постыдился бы Андрюши, городского человека...

– А у них в музее не так, что ли? – Пахомыч, видно, вспомнил о своем пролетарском происхождении и решил дать отпор местной богеме.

Чепиков пожал плечами. Конечно, городские художники тоже не ангелы, но тянуть за хвост музейного Пегаса, как это делали здесь, в леспромхозовском поселке, они бы не стали.

– Ладно, допивайте свою бодрягу и пора за работу! – сказал он, поднимаясь из-за стола. И два богемных ветерана, каратист и хиппарь, тут же по-братски поделили содержимое его стакана.

Вскоре появилась и Анжелика Фоминична, заведующая клубом. В бигудях, косыночке и халате, благо жила неподалёку.

– И ты здесь, горе мое? – вздохнула она, созерцая народного умельца Пахомыча. – Ладно, беремся за уборку, а то скоро нагрянут телевизионщики и нас, грешных, подвесят за одно место...

Так, общими усилиями и с бабской помощью навели порядок у диорамы, и она, многострадальная, наконец-то, приобрела экспозиционный вид.

– А все-таки здорово! – восхитилась Анжелика Фоминична, сложив руки на могучей груди и подперев ладошкой щеку. – Вот уж не думала...

И едва не всплакнула, тут же простив оформителям все их прегрешения.

– А как смотрятся мои корриги! Просто блеск! – подал голос Пахомыч. Он, действительно, сделал доброе дело, раздобыв в тайге

столбы с остатками колючей проволоки, привез на тещиной телеге и потом долго выколупывал гниль и жуков-короедов, приводя экспонаты в нужный вид.

— Да-а, не хотел бы я оказаться за такими кор-р-рягами! — вздохнул бывший мореман дядя Витя, уже не раз исполнявший по пьянке легендарную песню про Ванинский порт и вид пароходов угрюмый, на которых, к счастью, под конвоем не ходил, а тралил мины в южных морях. И пел под гитару весьма неплохо, чем расположил к себе грозного начальника лесопункта Петра Акимовича Муромцева, который и профинансировал этот музейный проект...

Праздник в поселке проходил шумно и весело. С утра в парке заработали киоски, подкатили фургончики с горячительными напитками, и отдыхающим было чем поднять настроение. Завертелась карусель. Столбы возле клуба украсили лампочками и цветными гирляндами, на крыльце установили микрофон, и прежде чем запустить в помещение нарядных селян, устроили митинг. Совсем как в начале восьмидесятых, когда вернувшийся с ударных строек народный умелец Пахомыч горел желанием влиться в ряды лесорубов и увековечить их в своих деревянных скульптурах. Но лесорубы уже работали по-новому, на мощных агрегатных машинах, зарабатывая крутые бабки, и модернистские потуги сельского умельца не вдохновляли их на героические позы. А тут ещё секретарь парткома Бурмакин, узрев в творениях Пахомыча тазы и кастрюли, коими он обрядил своих дубовых передовиков производства, обозвал их нехорошим словом и велел

вышвырнуть из клуба. Совсем как Хрущев, строитель коммунизма, приказавший залить бетоном работы модернистов.

С тех пор народный умелец Пахомыч затаил обиду на партийных секретарей, называл их «кор-р-рягами», и когда прежняя власть ушла в небытие, с восторгом встретил демократов, решил подарить им свои деревянные шедевры, но и демократы почему-то шарахнулись в сторону. И если бы не журналисты, прозябать бы умельцу Пахомычу в неизвестности. А так превратился в знаменитость. Пусть и небольшую, но безотказную, всегда готовую на лихое интервью. И, как положено любимцу прессы, Пахомыч явился на праздник в клетчатой рубашке, кирзовых сапогах и кепке, чтобы подчеркнуть свое пролетарское происхождение. И, конечно, тут же попал в объектив заезжих телевизионщиков. А потом, на торжественной сдаче музея, пробился к микрофону и прокричал, что, наконец-то, в селе появился достойный музей, где «кор-р-ряги», то бишь «красные» и «белые», достигли этого самого... консенсуса в диорамном сражении. И сорвал аплодисменты!

И еще пожал руку музейному консультанту Андрюше Чепикову и его симпатичной барышне Мариночке Кольцовой, племяннице начальника лесопункта, стоявшей рядом. И пообещал подарить им свои лучшие «кор-р-ряги».

После чего разомлевший от праздничной суеты и пары хмельных стопариков Пахомыч вышел из клуба, отправился бродить среди парковых берез, заглянул к деревянной эстраде, где музыканты наяривали что-то весёлое, патриотичное. И вдруг остановился

как вкопанный. Ага, а вот и ненавистный молодняк, те самые клерки-прохиндеи начала перестройки, которых Пахомыч шибко презирал. Разыгрывали лотерею. И как тогда, в конце восьмидесятых, так и нынче, ловко подкрутили призовой барабан, что сами же и выигрывали. Вот и сейчас главный приз – цветной телевизор достался сынишке ведущего, купившему единственный билетик, а бедняга Пахомыч, прежде покупавший их целыми пачками, вновь остался на бобах.

И тут народный умелец не выдержал, рванул ворот рубахи, чтобы вышибить из груди спиртной дух, и с грозным видом полез на эстраду. Но ведущий оказался шу-

стрее, прокричав в микрофон:

– А сейчас приз зрительских симпатий вручается нашему славному художнику-модернисту и романтику-абстракционисту Илье Пахомычу Сидорову. Гип-гип, ура! – и сунул в руки опешившему умельцу будильник, расписанный под хохлому.

И, сраженный такой наглостью, Пахомыч беспомощно оглянулся на ревущую от восторга публику, мол, что же это делается, дорогие товарищи?! Тяжко вздохнул, почесал макушку и пошёл прочь, махнув рукой на это бесстыдство.

– У-у, кор-р-ряги буржуйские!
– только и произнес напоследок...